

Спасибо, что скачали книгу с сайта <https://geroy-nashego-vremeni.ru>! На наших сайтах Вы найдете все об этом и других произведениях. Приятного чтения!

Михаил Лермонтов

Герой нашего времени

Краткий пересказ (10%)

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы спросите, что нравственность от этого выигрывает? – Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины.

Часть первая

I. Бэла

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Я нанял целых шесть быков и нескольких осетин для переезда через гору. А за моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду.

Он сказал мне, азиаты ужасные бестии, и обманывают меня. Видно, что на Кавказе я недавно, в отличие от него. Он не согласился со мной насчет погоды, предсказав бурю. Позже и вправду пахнул сырой, холодный ветер и пошел мелкий дождь.

Мы приютились у огня в одной набитой людьми сакле. Он, Максим Максимыч, стал рассказывать мне, что раз прибыл к ним офицер, молодой человек лет двадцати пяти:

– Тоненький, беленький, мундир новенький. Его звали Григорием Александровичем Печориным. Славный малый, только немножко странен. В холод целый день на охоте. А другой раз сидит у себя в комнате, уверяет, что простудился; бывало, по целым часам молчит, зато как рассказывает, так животики надорвешь со смеха... С год он был у нас. Наделал он хлопот, бывают люди, с которыми случаются необыкновенные вещи!

Недалеко жил один князь. Сынишка его, лет пятнадцати, Азамат, ужасно падок был на деньги. Раз князь зовет нас на свадьбу. Мы поехали. На свадьбе к Печорину подошла меньшая дочь хозяина - Бэла, девушка лет шестнадцати. Понравились они друг другу. Она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, так и заглядывали нам в душу.

Также на свадьбе был Казбич. Рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то был, как бес! А лошадь его славилась в целой Кабарде.

Я вышел освежиться и вдруг слышу голоса: Азамат упрашивал Казбича продать ему лошадь. И даже предложил украсть ради этого сестру! Но Казбич отказался, и началась драка. Казбич сбежал, мы уехали в крепость. И зря я рассказал Печорину об их разговоре.

Позже Печорин начал постоянно хвалить лошадь Казбича при Азамате. А потом предложил тому добыть лошадь за его сестру. Азамат согласился и привез на следующий день связанную сестру. Печорин же, когда Казбич привез провиант, выкрал его лошадь и передал Азамату, а тот скрылся и дальнейшая его судьба не известна.

Целую ночь плакал Казбич, узнав что Азамат увез его лошадь.

Узнав о случившемся, пошел я к Печорину, чтобы прекратить это дрянное дело. Но тот отказался, сказав, что Казбич все равно разбойник – его не жалко, а девушке будет лучше с ним, чем в диком ауле. Я смолчал, крыть особо было нечем.

Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки. Долго бился он с нею, так что решился на последнее средство – сказал, что она свободна, а он виновен и пойдет искать смерть в наказание. Это растопило

сердце Бэлы, она призналась, что он ей сразу понравился.

Позже мы узнали, что Казбич за лошадь убил ее отца.

Ночь кончилась, мы тронулись в путь; нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли. Снова наступила буря и нам пришлось свернуть до скудного приюта, состоящего из двух саклей.

Я хотел узнать продолжение истории. Максим Максимович продолжил:

– Славная была девочка, эта Бэла! Была мне как дочь. Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Но Григорий Александрович стал все чаще пропадать на охоте. Это печалило Бэлу и решил я ее утешить, пригласив погулять.

Вдруг видим скачет кто-то вдалеке, и узнали мы Казбича. Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею. Печорин задумался. «Да, – отвечал он, – Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал».

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменялся к этой бедной девочке. Он ответил: «несчастный характер у меня; я и сам не менее несчастлив. В первой моей молодости я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, и, разумеется, удовольствия мне опротивели. Скоро и общество мне надоело; я влюблялся в светских красавиц и был любим, – но сердце осталось пусто... Я стал учиться – науки также надоели; я видел что самые счастливые люди – невежды. Мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Но и к опасности я начал привыкать. Когда я увидел Бэлу, я подумал, что она ангел... Я опять ошибся: я за нее отдам жизнь, – только мне с нею скучно... Мне осталось одно средство: путешествовать».

Казбич не являлся снова. Вот раз вытащил Печорин меня на охоту. По пути назад слышим выстрел... Смотрим: летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. Печорин выстрелил, и пуля перебила заднюю ногу лошади. Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках Бэлу... Я выстрелил... Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; а Казбич, раненный в плечо, убежал. Бэла лежала неподвижно, и кровь лилась из раны на спине ручьями... Она была без памяти.

Как случилось это? Она вышла из крепости. Казбич подкрался, – цап-царап ее и тягу.

Мы отвезли раненую к Печорину. Бэла еще два дня прожила, долго мучилась. Около десяти часов вечера она пришла в себя. – «Я умру!» – сказала она. Как ей не хотелось умирать!.. К утру бред прошел и она начала печалиться о том, что она не христианка и что иная женщина будет в раю Печорину подругой. Но креститься отказалась.

Настала другая ночь. Она ужасно мучилась, стонала. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбивала перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он ее поцеловал. Она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось...

Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна. После полудня она начала томиться жаждой. Только она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью. Лицо Печорина ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Печорин был долго нездоров, исхудал. Месяца три спустя он уехал в Грузию.

II. Максим Максимыч

Я расстался с Максимом Максимычем, который не мог ехать быстро, но тот догнал меня во Владыкавказе. Я пригласил его жить со мной. Вскоре приехала дорогая пустая коляска, как выяснилось у лакея, Печорина... Максим Максимыч крайне обрадовался, просил позвать его, а сам стал ждать у ворот. Но Печорин так и не пришел.

На другой день Максим Максимыч пошел к коменданту, а я наконец увидел Печорина.

Он был среднего роста; стройный, тонкий, но крепкий. Казался он порядочным

человеком. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, – верный признак некоторой скрытности характера. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза с блеском стали. Глаза не смеялись, когда он смеялся! Это признак – или злого нрава, или глубокой постоянной грусти.

Я подошел к Печорину и попросил подождать Максима Максимыча. Тот как раз подбежал к нам, сильно запыхавшись. Он хотел обнять Печорина, но тот только подал ему руку и сказал что едет в Персию. При упоминании о Бэле он чуть-чуть побледнел и отвернулся, но почти сразу принужденно зевнул... Его бумагами, которые хранились у Максима Максимыча, Печорин не заинтересовался. На все уговоры побыть хоть пару часов он решительно отказался, сказав, что у всех своя дорога.

Максим Максимыч крайне расстроился, на глазах были слезы. Бедный старик, как же он был обижен! По этой причине бумаги Печорина, его дневники, достались мне.

Журнал Печорина

Предисловие

Я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня обрадовало: оно давало мне право печатать записки. Мое мнение о Печорине? – заглавие этой книги.

I. Тамань

Тамань – самый скверный город из всех городов России. Меня там хотели утопить. Я приехал поздно ночью. Мест не было и мне с казаком-денщиком пришлось ночевать в странной хате на самом краю. Вышел слепой от природы мальчик лет четырнадцати. Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, немых и проч. Я замечал, что как будто с потерей члена, душа теряет какое-нибудь чувство.

Я взошел в хату, лег, но не мог уснуть. Вдруг на полу промелькнула тень. Я тихо вышел и пошел за слепым, несшим какой-то узел, к морю. Там его встретила какая-то белая фигура. И вскоре, несмотря на непогоду, приплыл на лодке Янко, как его назвал слепой. Он привез какой-то груз, который все трое потащили куда-то. Я вернулся домой.

Утром слепой отрицал все, но я твердо решил достать ключ от этой загадки.

Вдруг я услышал песню: на крыше хаты стояла девушка с распущенными косами. Странное существо! Она не была безумной, пронзительные глаза ее были одарены какою-то магнетическою властью. Она была далеко не красавица, в ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело – все это свело меня с ума.

Я ее узнал, ночью она была на берегу. Я пригрозил ей, что расскажу все коменданту, а она поцеловала меня и позвала ночью на берег. Там мы поплыли на лодке, как вдруг, она чуть не выкинула меня в воду, а я не умею плавать. Я смог сбросить ее в воду. Приплыв к берегу, я увидел ее, Янко и слепого. Янко сказал слепому, что уплывает вместе с девушкой и больше приплывать не будет. Слепой остался один... И зачем судьбе нужно было кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов и разрушить его?

Я возвратился домой. Мое имущество все исчезло. Поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что случилось с старухой и с бедным слепым – не знаю.

Часть вторая (Окончание журнала Печорина)

II. Княжна Мери

11-го мая.

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру. Вид с трех сторон у меня чудесный. Пойду к Елизаветинскому источнику: там собирается все водяное общество.

Я пошел бульваром, вдруг встретил Грушницкого! Я познакомился с ним в действующем отряде. Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему едва ли двадцать один год. Он из тех людей, которых трогают только исключительные страдания. Производить эффект – их наслаждение; Он довольно остер: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он не знает людей, потому что занимался только собою. Его цель – сделаться героем романа. Грушницкий слывет храбрецом, но он махает шашкой, зажмуря глаза. Но вообще Грушницкий довольно мил и забавен.

Он рассказал мне, что тут довольно скучно. Из Москвы одна только княгиня Лиговская с дочерью. В эту минуту они как раз прошли мимо нас. Грушницкий успел принять драматическую позу и сказал по-французски, как он ненавидит людей. Княжна одарила оратора любопытным взглядом. Тут Грушницкий уронил стакан и не мог его поднять: больная нога. Княжна Мери подала стакан; через минуту она вышла из галереи с матерью.

Грушницкий заявил, что она ангел, я не согласился – мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречить. Признаюсь еще, я позавидовал. Честно признаюсь себе.

13-го мая.

Нынче зашел ко мне доктор. Его имя Вернер, но он русский, замечательный человек. Скептик и материалист, а вместе с этим поэт. Он изучал струны сердца, но никогда не умел воспользоваться этим; так отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Он насмехался над больными; но раз плакал над умирающим солдатом... У него был злой язык. Вернер был мал ростом, и худ, и слаб; одна нога короче, огромная голова. Черные глаза проникали в мысли. Опрятная одежда черного цвета. Молодежь прозвала его Мефистофелем, и это льстило ему. Мы сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен.

Я лежал на диване, когда Вернер вошел в мою комнату. Я попросил сказать, что ему сказала княгиня Лиговская обо мне, а княжна о Грушницком. Он сказал, что княжна уверена, что Грушницкий разжалован в солдаты за дуэль...

Судьба заботится, чтобы мне не было скучно. Я попросил описать княгиню и ее дочь.

– Княгиня – женщина сорока пяти лет, – отвечал Вернер, – очень любит молодых людей: княжна смотрит на них с некоторым презрением. Сегодня у них была какая-то дама, хорошенькая, но больная... Среднего роста, блондинка, а на правой щеке родинка.

– Родинка... неужели она! – пробормотал я. Когда он ушел, то ужасная грусть стеснила мое сердце. Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала...

После обеда я пошел на бульвар и переманил анекдотами у княжны всю публику.

16-го мая.

Мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня ненавидит; У Грушницкого таинственный вид: ходит, никого не узнает; нога его вдруг выздоровела. Я смутил его, сказав, что княжна его любит. Он ответил, что говорил с княжной, и она отметила меня дурно.

Я с серьезным видом отвечал, чтобы он берегся – княжна признает только платоническую любовь и бросит его, как только ей станет с ним скучно. На что Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате. Я внутренне хохотал.

* * *

Мне грустно. Я думал о той молодой женщине с родинкой и вдруг встретил ее. Это была Вера! Она снова была замужем, хотя в прошлый раз это ее не остановило. Ее лицо выражало глубокое отчаянье, на глазах сверкали слезы. Я ее крепко обнял, и так мы оставались долго. Наконец губы наши сблизились и слились в жаркий поцелуй.

Она решительно не хочет, чтоб я познакомился с ее мужем-старичком. Она его уважает, как отца, – и будет обманывать, как мужа... Вера больна, очень больна. Она не заставляла меня клясться в верности – она вверилась мне снова с прежней беспечностью, – я ее не обману: она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть.

Наконец мы расстались. Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания. Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать - на душе становится легко, усталость тела побеждает тревогу ума. Вдруг я заметил за кустами шумную кавалькаду, впереди ехал Грушницкий с княжною Мери, которую я напугал и смутил, неожиданно выехав из-за кустов.

Вечером встретил Грушницкого – сказал мне, что ужасно рассердил княжну. Я не расстроился и пообещал легко напроситься к ним в дом, если захочу.

21-го мая.

Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими. Жду удобного случая. Встретил Веру, получил заслуженный упрек:

– Ты не хочешь познакомиться с Лиговскими?... Мы только там можем видеться...

Кстати: завтра бал в зале ресторации, и я буду танцевать с княжной мазурку.

22-го мая.

Все съехались на бал. Подслушал жалобу одной толстой дамы драгунскому капитану, о том, что пренесносную княжну надо проучить. Тот пообещал помочь.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать. Она торжествовала. Сказал ей, что я вовсе не дерзкий и хочу просить прощения, но получил отказ.

Тут к княжне, после разговора с драгунским капитаном, пристал пьяный господин. Вступился за княжну, сказав, что она танцует со мной. Тут же поднялся в глазах княжны и ее матери. Не забыл сказать ей, что Грушницкий всего лишь юнкер.

23-го мая.

Грушницкий поблагодарил за спасение княжны. В девятом часу мы вместе пошли к княгине. Вера тоже была – попросила понравиться княжне, чтобы чаще видеться.

В продолжение вечера я несколько раз нарочно старался вмешаться в разговор княжны и Грушницкого, был отвергнут и с притворной досадою наконец удалился. Остальной вечер провел возле Веры и наговорился о старине... За что она меня так любит, право, не знаю!

29-го мая.

Все эти дни я ни разу не отступил от своей системы. Княжне начинает нравиться мой разговор, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного. Всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, я оставляю их вдвоем, чем расстраиваю ее.

Решительно, Грушницкий ей надоел. Еще два дня не буду с ней говорить.

3-го июня.

Я часто себя спрашиваю, зачем я добиваюсь любви молоденькой девочки, на которой никогда не женюсь? Вера меня любит больше. Из зависти к Грушницкому?

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок; его надо сорвать и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти.

* * *

Грушницкий произведен в офицеры. Но солдатская шинель была лучше, выделяла его.

Вечером все отправились к провалу. Я подал руку княжне. Напугал ее злословием об общих знакомых. После признался, что в детстве меня не принимали, и поэтому я стал таким жестоким и черствым. Этим вызвал несказанную жалость и сострадание княжны. Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю – вот что скучно!

4-го июня.

Нынче я видел Веру. Она замучила меня своею ревностью к княжне. Сказала, что

переезжает в Кисловодск. Я обещал тоже переехать.

Грушницкий пришел ко мне и объявил, что завтра к балу будет готов его мундир.

5-го июня.

За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в сиянии армейского пехотного мундира. Очень сильно надушился и побежал звать княжну на мазурку. Через полчаса и я отправился. Мне было грустно... Неужели мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды?

Войдя в залу, шуткой поддержал княжну в разговоре с Грушницким, что шинель была лучше, Грушницкий в гневе убежал. Княжна его уже ненавидит.

Стали разъезжаться. Сажая княжну в карету, я прижал ее маленькую ручку к губам своим. Было темно, и никто не мог этого видеть. Я возвратился в залу очень доволен собой.

Решительно против меня составляется враждебная шайка под командой Грушницкого. У него такой храбрый вид... Очень рад; я люблю врагов. Они волнуют мне кровь.

6-го июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла, – больна. Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. Я не видал ее! Она больна! Уж не влюбился ли я в самом деле?... Какой вздор!

7-го июня.

Утром встретил княжну. Она меня прогнала, несмотря на мои извинения.

Ко мне зашел Вернер. Сказал, что все в городе думают, что я женюсь на княжне. Про меня уж распуцены в городе дурные слухи: это Грушницкому даром не пройдет!

10-го июня.

Вот уж три дня, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру. Мне часто кажется, что едет карета княжны, но той все нет. Грушницкий со своей шайкой тоже здесь.

11-го июня.

Наконец они приехали, княгиня и княжна. Неужто я влюблен? Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать.

12-го июня.

Переводил лошадь княжны через брод. Княжне стало дурно, я поймал ее и поцеловал. Она в порыве сказала, что любит меня. Я ответил, что не знаю, зачем любить – княжна немедленно ускакала вперед и стала очень нервной.

Я поскакал в горы развеяться. Случайно подслушал заговор против меня. Решили, что Грушницкий вызовет меня на дуэль, но пистолеты будут незаряженными, чтобы напугать меня. Я вернулся домой, волнуемый различными чувствами. Берегись, Грушницкий!

Поутру я встретил княжну у колодца. Честно сказал ей, что не люблю ее. Она побледнела. Я пожал плечами и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?... Но я категорически не хочу жениться... Может из-за гадалки, которая в моем детстве предсказала, что я умру от жены?

15-го июня.

Вчера приехал фокусник Апфельбаум. Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; я же получил записку от Веры с приглашением прийти в ней в этот момент.

Когда пробился к Вере, мне показалось, что кто-то следит за мной, но я не остановился

и забрался на балкон к Вере. Разуверил ее, что собираюсь жениться на княжне.

* * *

Около двух часов я спустился от Веры и заметил в другом окне княжну Мери. Она сидела на своей постели, скрестив на коленях руки. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; перед нею на столике была раскрыта книга, но мысли ее были далеко...

Я спрыгнул, невидимая рука схватила меня за плечо. Это были Грушницкий и капитан. Я сумел вырваться и убежать.

16-го июня.

Полутру все говорили о ночном нападении черкесов. В ресторации Грушницкий рассказывал всем, что это я вчера лазил в дом княжны.

Я подошел к нему и сказал медленно и внятно, что если он не откажется от этих слов и не извинится, у нас будет дуэль. Он не извинился, ну что ж...

Я пошел прямо к Вернеру и рассказал ему все. Теперь дело выходило из границ шутки. Доктор согласился быть моим секундантом и пошел к моим противникам договариваться о дуэли на шести шагах. По возвращении он сказал мне, что случайно услышал заговор и будет заряжен пистолет только Грушницкого, хотя сам Грушницкий против этого.

Я отказался говорить им, что мы догадались о заговоре, я и так не поддамся.

* * *

Всю ночь не мог уснуть. Вдруг я умру? Что ж, потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Спрашиваю себя невольно: зачем я жил, для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения.

Утром встретил доктора и мы поехали. Сказал ему не печалиться и что завешание мне нужно - наследники найдутся сами.

Мы взобрались на площадку, где ожидал нас Грушницкий с драгунским капитаном и другим своим секундантом, которого звали Иваном Игнатьевичем. На предложение извиниться Грушницкий снова отказался. Значит мы будем стреляться...

Доктор опять посоветовал мне раскрыть заговор, я снова отказался и предложил перенести дуэль на вершину скалы. В этом случае кто будет ранен, полетит вниз и разобьется; пулю доктор вынет. И тогда можно будет легко объяснить эту скоростигную смерть неудачным прыжком. Мы бросим жребий, кому первому стрелять. Все согласилось.

Я поставил Грушницкого в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей.

Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могло проснуться великодушие, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость должны были торжествовать... По жребию, первый стрелял Грушницкий.

Я стал на углу площадки. Грушницкий стал против меня. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб... И по началу он не смог выстрелить, потом под насмешками выстрелил, оцарапав мне ногу, и я упал, но вперед.

Я подозревал доктора и во всеуслышание попросил его зарядить мой пистолет, раскрыв заговор. Начались крики возмущения, но сам Грушницкий согласился. Я в последний раз предложил ему извиниться и после его отказа выстрелил. Спускаясь по тропинке вниз, я заметил окровавленный труп Грушницкого. У меня на сердце был камень.

Дома Вернер подал мне две записки: одну от него, другую... от Веры. В первой он говорил, что все списано на несчастный случай и я могу спать спокойно... если смогу...

В записке от Веры было прощание. Она говорила, что муж узнал об их отношениях и вызвал коляску. Также она исповедовалась... писала что я особенный, что любит меня несмотря ни на что, что принесла жертву сознательно, надеясь, что это будет не напрасно...

Еще просила не жениться на Мери.

Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на коня и помчался за ней. Я скакал так, что конь мой издох; я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал. Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул.

Взошел доктор: он был нахмурен и не протянул мне руки. Сказал, что он от княгини Лиговской; дочь ее больна – расслабление нервов... И пришел он меня предупредить – комендант подозревает дуэль и скоро меня ушлют куда-нибудь.

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость Н., я зашел к княгине проститься. Она просила меня быть с ее дочерью, на что я ответил отказом. В разговоре с самой Мери, выглядевшей совсем плохо, еще раз честно сказал, что не люблю ее и она должна ненавидеть меня.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска.

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?... Нет, я бы не ужился с этой долею!

III. Фаталист

Мне раз случилось прожить две недели в казачьей станице. Однажды зашел разговор о судьбе и предназначении. Тут один офицер, Вулич, предложил пари - испытать судьбу.

Вулич имел высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные пронизательные глаза, большой, но правильный нос. Он был храбр, говорил мало, но резко. Была только одна страсть: к игре. За зеленым столом он забывал все.

Я держал пари, тогда Вулич подошел к стене с пистолетами, взял первый попавшийся и спросил, заряжен ли он. Хозяин не помнил. Тогда Вулич приложил пистолет к голове. В этот момент я безошибочно прочитал печать смерти на его лице, он должен был умереть.

Он нажал на курок – осечка! Потом он отвел пистолет, опять нажал на курок и выстрел раздался. Все были в ступоре и разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича.

Я возвращался домой. Мне стало смешно, когда я вспомнил, что некогда люди думали, что звезды принимают участие в наших ничтожных спорах... Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо на них смотрит с участием! Я остановил себя вовремя на этом опасном мысленном пути, чуть не упав о разрубленную свинью.

Прибежали два казака, они искали пьяного казака с шашкой. Я его не видел и пошел домой. Под утро меня разбудили со словами, что Вулич был зарублен этим казаком... Мое предчувствие смерти еще никогда меня не обманывало!

Убийца заперся в пустой хате. С ним не знали что делать. Тогда я решил сам испытать судьбу и быстро залез в окно хаты. Выстрел прошел над моим плечом, едва не задев меня. Зато казак был скручен.

После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом?

Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера – напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!

Возвратясь в крепость, я рассказал Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему был я свидетель, и пожелал узнать его мнение насчет предопределения.

– Да-с! конечно-с! Это штука довольно мудреная!.. Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем; зато уж шашки у них – просто мое почтение! Да, жаль беднягу...

Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений.

Спасибо, что скачали книгу с сайта <https://geroy-nashego-vremeni.ru>! На наших сайтах Вы найдете все об этом и других произведениях. Приятного чтения!